

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО)

23 ноября 2017 г. в Институте международных исследований (ИМИ) МГИМО состоялся организованный Центром БРИКС круглый стол на тему «БРИКС сегодня: поступательное развитие и новые вызовы в условиях международной нестабильности (к итогам председательства Китая)». С докладами выступили чл.-корр. РАН, председатель президиума Научного совета НКИ БРИКС, науч. руководитель Института Лопинской Америки РАН В. М. Давыдов; директор Центра БРИКС ИМИ МГИМО, проф. кафедры ИПСЕА МГИМО д-р исп. наук Л. С. Окунева; главный экономист Евразийского банка развития д-р экон. наук Я. Д. Лисоволик; директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО, проф. кафедры востоковедения МГИМО д-р полип. наук, PhD А. Д. Воскресенский; проф. кафедры востоковедения МГИМО д-р исп. наук С. И. Лунев; проф. кафедры дипломатии МГИМО канд. исп. наук Е. М. Астахов, ст. науч. сотр. Центра БРИКС ИМИ МГИМО канд. экон. наук Е. Я. Арапова; советник исполнительного директора НКИ БРИКС В. О. Горбачева; доцент кафедры ИПСЕА МГИМО канд. исп. наук А. В. Крыжановский; доцент кафедры «Банки, денежное обращение и кредит» МГИМО канд. экон. наук Н. Г. Хмелевская; вед. науч. сотр. Института Африки РАН д-р исп. наук Т. Л. Дейч.

С приветственным словом к участникам обратился директор ИМИ МГИМО **А. А. Орлов**. Центр БРИКС во главе с его директором **Л. С. Окуневой** был создан в 2011 г. и ведет активную работу по целому комплексу вопросов, связанных с проблематикой БРИКС. В момент создания Центра было модно организовывать различные исследовательские структуры. И сам БРИКС был если не диковинным образованием, то весьма специфическим: было много рассуждений о перспективах его деятельности. Но впоследствии произошла кардинальная деформация структуры международных отношений, связанная, прежде всего, с «арабской весной» и государственным переворотом на Украине. В результате в международных отношениях создалась некая «новая реальность», когда Россия подвергается беспрецедентному прессингу. И в этих условиях важное значение приобретает известная переориентация на Восток и другие регионы. Такие организации, как ШОС, АТЭС, АСЕАН и, конечно, БРИКС, приобретают особую важность, их значение для внешней политики РФ становится исключительным. В МГИМО сложилась школа исследования проблематики БРИКС, и именно в данном ракурсе я рассматриваю ваше мероприятие. Здесь присутствует столько молодежи. Надеюсь, будут высказаны и свежие взгляды на проблемы БРИКС и смелые, нестандартные идеи, которые нужны для разработки внешней политики нашего государства в различных аспектах: и в официальной, и в так называемой народной дипломатии, и в «дипломатии ученых».

В рамках круглого стола работали две секции.

СЕКЦИЯ 1. БРИКС В МИРЕ. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГЕОПОЛИТИКИ И ГЕОЭКОНОМИКИ

Л. С. Окунева. Сегодня мы обсуждаем текущую проблематику БРИКС. Когда Центр был создан, в ноябре 2011 г. была созвана крупная научная конференция с участием послов стран БРИКС, которые, будучи аккредитованными в РФ, впервые встретились в МГИМО на данном

мероприятии. Та конференция была посвящена глобальным аспектам, этапам и предыстории формирования объединения БРИКС, месту объединения в мире, основам его политики. Сегодня же, когда БРИКС превратился в неотъемлемый элемент современных международных отношений, мы рассматриваем на нашем круглом столе его «повседневную жизнь» – в период после китайского председательства и в преддверии председательства ЮАР. Мы видим, что события развиваются стремительно. В качестве примера можно привести события в Зимбабве, которые, безусловно, затрагивают и БРИКС. Есть и позиция Китая в данном конфликте: он крайне заинтересован в инвестициях в Зимбабве и вполне вероятно, что его «невидимая рука» в этих событиях тоже присутствовала. На БРИКС не может не сказываться все, что связано с переформатированием международных отношений в связи с нынешней позицией США и политикой Д.Трампа (ноябрьские 2017 г. визиты госсекретаря Р. Тиллерсона в Индию и самого Трампа – в Китай и затем его «азиатское турне»), поскольку в современном мире все взаимосвязано. Каждая из стран БРИКС имеет двусторонние отношения с США, и это сказывается на объединении в целом. Еще совсем недавно относительно спокойные государства БРИКС пришли в движение. Хочу сослаться на мысль В. М. Давыдова в одной из его статей: до недавнего времени Латинская Америка была оазисом спокойствия и стабильности (и в XX в., и в нулевые годы XXI в.), самым мирным регионом на планете, которому удавалось решать все международные споры в рамках международного права, ограничивать людские потери в конфликтах, но сейчас и Латинская Америка пришла в движение. Это же затронуло и БРИКС: колоссальный политический кризис в Бразилии капитально переформатировал эту страну, превратил ее из «восходящей», из очень активного регионального игрока, который стремился стать глобальным и шел по этому пути, из страны уникального социального эксперимента в государство, повернувшее вспять; мы наблюдаем глубокий политический кризис в ЮАР, который идет с 2015 г., с подобными Бразилии непрекращающимися коррупционными скандалами; имеет место напряженность в отношениях между Китаем и Индией, и это тоже важный фактор функционирования всего формата БРИКС, а не только двусторонних отношений крупнейших членов объединения.

Сегодня мы выносим на рассмотрение ряд вопросов, которые условно можно объединить в несколько блоков: БРИКС в мире – геополитический и геоэкономический разрез; страновой подход в исследованиях БРИКС; Россия и БРИКС (ее политика и позиционирование по отношению к этому объединению). Сегодня возникают новые черты мирового порядка, которые называют «международным беспорядком»; усиливается нестабильность, непредсказуемость в системе международных отношений; появляются новые вызовы и угрозы. В фокусе внимания – новые параметры современного мира; изменение международной системы координат и их влияние на будущее БРИКС; укрепление либо ослабление его роли на международной арене; позиция стран БРИКС, каждая из которых имеет собственную историю отношений и противоречий с США. Прошла череда важных визитов и президента США, и госсекретаря, и мы видим, что меняется не только геополитика, но и геоэкономика. США, которые всегда были главными глобалистами, выступали за широкие интеграционные объединения, пытались реализовать «стратегические кольца Обамы», Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнерства, переходят к протекционизму и т. н. новому изоляционизму. А ведь все без исключения члены БРИКС всегда были противниками протекционизма, например Бразилия многие годы борется за возможность проникать на рынки (прежде всего сельскохозяйственные) и США, и европейских стран – такова ее постоянная стратегическая цель. Бразилия всегда обвиняла развитые страны в протекционизме, в том, что они не дают выйти на свои рынки). Сейчас в США протекционизм возведен в ранг государственной политики, это может определить и отношения внутри БРИКС, и само положение БРИКС в мире. США пытаются «играть» с каждой страной против другой (это видно по заявлениям Тиллерсона в Индии и Трампа – в Китае).

Итак, вопросы, которые предстоит обсудить нам и которые могут (и должны) стать базой для новых исследований:

– Каким образом БРИКС будут позиционировать себя в новом миропорядке, с новыми вызовами и угрозами, сложившимся уже после оформления самой «пятерки» как неформального межгосударственного объединения? Как новые параметры современного мира (в частности, изменение международной «системы координат», вызванное внешнеполитическими шагами администрации Д. Трампа) могут отразиться на дальнейших перспективах БРИКС и укреплении/ослаблении роли объединения на международной арене? Каким образом страны БРИКС намерены выстраивать отношения с США в настоящий момент и в ближайшем будущем?

– Каковы современные тенденции экономического взаимодействия внутри формата БРИКС? Какими представляются пути развития/модификации самого объединения БРИКС? Имеется ли потенциал сотрудничества внутри «пятерки» либо это взаимодействие будет в основном идти по линии двустороннего сотрудничества стран-членов? Каковы параметры выдвинутой Китаем новой модели сотрудничества БРИКС и нового наполнения концепта интеграции и применим ли он к БРИКС? Каковы перспективы «БРИКС+» и «БРИКС++», и в чем их выгода для России?

Следующая группа вопросов: место объединения БРИКС в общей внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии каждой из стран-членов; какова позиция каждой из стран объединения по вопросам дальнейшего развития БРИКС и придания импульса развитию двусторонних отношений; превалирование общих целей и задач сотрудничества на фоне возникающих, но преодолимых противоречий между странами-членами.

Вопрос о противоречиях также очень важный. Беспроblemного развития не бывает, не может быть только один позитив и в отношениях между такими сложными, крупными, со многими проблемами странами, как БРИКС. Мы видим, что никуда не делись противоречия между Китаем и Индией, никуда не делись и экономические противоречия стран «пятерки», конкуренция между ними как на «третьих» континентах (Китай, Индия, Бразилия в Африке), так и на рынках самих стран – членов объединения (Китай – Бразилия).

Наконец, мы должны уделить внимание проблематике «Россия и БРИКС». РФ была одним из инициаторов создания тогда еще «группы БРИКС», и сейчас это направление – важное в нашей внешней политике. В сложной международной обстановке Россия уделяет все большее внимание объединению БРИКС как группе типологически близких ей стран по многим параметрам. Председательство России в БРИКС в 2015 г. – крупная стратегическая программа не только действий, но и философское осмысление присутствия РФ в данном формате. Только в 2017 г. прошли встречи министров связи, энергетики, экономики и внешней торговли, связи, промышленности. На конференции НКИ БРИКС в октябре 2017 г. су-шерпа России в БРИКС П. Князев говорил о наступающем «золотом десятилетии» БРИКС, чему способствует постоянное обновление форматов взаимодействия: к уже существующим финансовым институтам (Новый банк развития, Пул условных валютных резервов) в скором времени добавится Фонд суверенных облигаций, а также ряд инициатив по содействию государственно-частному партнерству. Дополнительным инструментом усиления позиции объединения на мировой арене может стать предложенный Китаем механизм «БРИКС+».

– Каковы цели и задачи РФ на площадке БРИКС в новых международных условиях? Сотрудничество по линии БРИКС и национальные интересы РФ; традиционные и новые направления сотрудничества; нереализованный потенциал России в экономических отношениях со странами БРИКС – все эти проблемы должны быть в зоне нашего исследовательского внимания.

В. М. Давыдов. Мне хотелось бы рассмотреть БРИКС в условиях «новой нормальности». Это двояко понимаемый термин. В первом случае я сошлюсь на последнюю прогнозную работу ИМЭМО РАН совместно с экспертами Атлантического совета, где нынешний этап развития воспринимается как движение на пути к некой «новой нормальности», в позитивном смысле. Есть понимание «новой нормальности» и в ироническом смысле: резкая трансформация (или деформация) системы международных отношений, турбулентность или «хаотизация» международных отношений вызывают серьезные затруднения в трактовке происходящего сегодня на мировой арене, в объяснении его причин. Речь идет о переходном периоде, в ходе которого происходит ломка системы международных отношений, под сомнение ставятся многие нормы международного права. В экономике происходят еще более серьезные изменения, которые ведут к рискам, в том числе военно-политическим, под сомнение ставится ключевая повестка системы международных отношений, и даже проблема распространения ядерного вооружения видится иначе, чем раньше. Обычные вооружения по разрушительной силе могут превосходить ядерные столкновения. Происходят роботизация театра военных действий и «изъятие» из него человека, появляется первая, т. н. «дронная», ступень возможной войны, и это вносит колоссальные изменения в систему межгосударственных отношений, систему отстаивания, продвижения национальных интересов, экономического суверенитета и безопасности.

Что же в новых условиях представляет собой БРИКС? Мы должны пересмотреть свои прежние подходы и оценки относительно этого явления, поскольку вызывает тревогу: в какой мере можно говорить о внутренней солидарности БРИКС, о выработке консенсусной позиции в рам-

ках этого сообщества, учитывая, что происходит серьезная дифференциация ситуаций в отдельных странах — членах БРИКС. Мы должны несколько уменьшить наши геополитические и геоэкономические ожидания. Ведь БРИКС — это не волшебная палочка, это одно из серьезных средств построения новой сбалансированной, многополярной системы, это важное стратегическое преимущество России, но надо понимать: это только одно из преимуществ, мы не должны и не можем этим ограничиваться, мы должны создавать опорные точки в системе международных отношений, в построении альянсов (весьма различных, в том числе ситуационных, которым отдается сегодня приоритет на международной арене). БРИКС же — не ситуационный альянс, это закономерность, объективность.

В свое время была монография, которая и сегодня не утратила актуальности, — «Россия в полицентричном мире». Она была выпущена Отделением глобальных проблем и международных отношений РАН (под руководством ИМЭМО), где я руководил разделом, связанным с нетрадиционными центрами мировой экономики и мировой политики. Мы исходили из того, что обостряется неравномерность развития. Сейчас термин «неравномерность развития» звучит во всех ключевых и самых авторитетных аналитических докладах крупных исследовательских центров. Данный термин понимается широко: от неравномерности между государствами до неравномерности внутри страны, то есть социального неравенства, включая развитые страны, где происходит процесс внутренней социальной поляризации. «Отбрасывание» назад социальной ситуации в развитом капиталистическом мире и обострение противоречий в процессе демонстрации социального государства — черта сегодняшнего развития.

Есть ярко выраженная незаинтересованность и даже враждебность в лагере «коллективного Запада» по отношению к БРИКС. Сначала это было просто внушение, что БРИКС — искусственное образование и у него не будет возможности выстроить серьезный механизм взаимодействия. А каков этот механизм? Мы еще недостаточно определились в его характеристике. Очевидно, что это новый механизм. На мой взгляд, нельзя относить БРИКС к традиционным интеграционным образованиям. Речь идет о механизме стратегического партнерства на основе близости, схожести базовых национальных интересов. Мы раньше говорили о том, что на основе неравномерности формируются новые центры. В условиях глобализации, в современных ее формах это привело к динамизации, активизации экономического роста в странах периферии и полупериферии; получается, что есть группы/фракции в финансовом, промышленном, производственном капитале в развитом капиталистическом мире, которые проигрывают в экономическом соревновании.

Мне кажется, что мы переоценили механизм стратегического партнерства БРИКС, а на деле управленческие законы применительно к практике БРИКС оказались не очень состоятельными: мы увлеклись кампанией безбрежного вовлечения в конфигурацию БРИКС самых разнообразных институтов, включая институты гражданского общества, и теперь возникает вопрос, насколько это продуктивно. Мы перегрузили этот механизм и этот диалог чем только можно. Произошло увлечение количеством в ущерб качеству, активности и способности найти консенсусную платформу. Механизм взаимодействия «увяз» в этих явлениях и процессах и вызвал определенное недовольство в ряде стран-членов. Уверен, что есть критическое отношение к БРИКС в КНР, ее политическое руководство не очень довольное тем, что сейчас некоторые «вагоны» этого «поезда» (которыми называют, например, Бразилию, ЮАР) явно сдерживают динамику БРИКС. Политическое руководство КНР приняло решение не обращать на это внимание, а стремиться, чтобы «китайский паровоз» тянул весь «поезд». Китайское руководство будет ставить и инициировать проблемы, активно и энергично действовать, вежливо комментируя и воспринимая инициативы стран-членов, но вместе с тем не допуская остановки «поезда». Насколько такая постановка вопроса сейчас соответствует интересам и позициям всех других участников объединения, нужно разбираться. Для нас важно определиться, насколько эта постановка вопроса соответствует интересам России. Россия, несомненно, занимает особое место в конструкции БРИКС, поскольку мы фактически были ее инициаторами. Идея созрела в России и была очень позитивно воспринята в Китае, который активно подключился к ее реализации и сейчас со всеми своими ресурсами и мощью способен тащить этот «поезд». Естественно, протаскивая «поезд», Китай (и это отражается в его действиях и риторике) продвигает собственные проекты, в том числе «Один пояс — один путь». Нужно понимать философию и возможности Китая: сейчас он больше всех тратит финансовых ресурсов. Китайцы высоко оценивают стратегическую значимость БРИКС при всей известной привлекательности «двуумвирата» Китай — США. Они все-таки надеются со временем «переиграть» США и готовятся

к этому. Поэтому «гармония интересов» между Китаем и США – идея, не вполне соответствующая реальному положению дел. Нужна серьезная переоценка ценностей в рамках БРИКС, нужно критично подходить к изменению внутреннего соотношения сил. Преимущество БРИКС в том, что это не только многосторонняя структура, а формат, который должен благоприятствовать формированию позитивной повестки дня в двусторонних отношениях. БРИКС сделал немало для того, чтобы самые острые и проблематичные отношения (например, между Индией и Китаем) все-таки нашли *modus vivendi*. Думаю, что одна из задач России – в ходе переоценки ценностей делать все возможное, чтобы двусторонние китайско-индийские отношения входили в позитивное русло. Мне кажется, что это возможно. Я думаю, что и китайское, и индийское политическое руководство в конце концов заинтересовано не «перетягивать одеяло на себя», потому что территориальную проблему нужно стремиться оставить в прошлом. Что касается «слабых звеньев» объединения – ЮАР и Бразилии, то приведу пример «институциональной идеологии смены режимов». Мы сейчас говорим об информационной войне, о манипулировании общественным мнением через СМИ, но есть и институционально-юридическая методика смены режимов. США будут пользоваться этим все более активно, борьба на корпоративном пространстве происходит все менее цивилизованными методами, а институционально-юридические технологии становятся определяющими в победе или проигрыше в конкурентной борьбе. Эту конкуренцию характеризуют уже не производительность труда и не инновационный прогресс, а огромные юридические департаменты, которые «зарубают» стартапы и другие структуры среднего класса, которые «сдаются» «акулам бизнеса». Это серьезный вызов и для нашего бизнеса, и для нашей внешней политики. Подводя итог, повторю: сейчас настало время поиска возможностей нового позиционирования и РФ, и наших партнеров по БРИКС, и в двусторонних отношениях, и в системе международных организаций (БРИКС и другие).

Е. Я. Арапова. В. М. Давыдов говорил о происходящей «ломке» системы международных отношений и международного права, и мне хотелось бы сделать акцент на том, что сейчас происходит переформатирование глобальной торговой повестки, меняется отношение к процессам региональной и трансрегиональной интеграции, стираются в некоторой степени границы между форматами сотрудничества и форматами полноценных интеграционных объединений. Безусловно, БРИКС не является полноценным интеграционным объединением, это исключительно многосторонний трансрегиональный формат сотрудничества, но тем не менее та полемика, которая сейчас идет относительно эффективности формата БРИКС, его будущего и тех сценариев, в соответствии с которыми БРИКС будет развиваться в ближайшее время, может задать тон как развитию непосредственно самого объединения БРИКС, так и, возможно, создать некоторые прецеденты для развития взаимоотношений внутри других объединений – региональных и трансрегиональных. Те тенденции в системе мировой экономики и торговли, которые сейчас наметились, во многом определяются и трансформацией, происходящей внутри самих стран БРИКС, в первую очередь в Китае. Китай сейчас активно пытается двигаться по пути диверсификации источников экономического роста, реализации собственного потребительского потенциала, превращения именно внутреннего спроса в двигатель китайской экономики. Те стратегические цели, которые ставит перед собой Китай на внутреннем уровне, во многом определяют повестку в системе мировой экономики и международной торговли. В том числе, Китай сейчас очень активно продвигает глобальные многосторонние инициативы – это и идея создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, и очень интересный проект – концепция «БРИКС+».

Я. Д. Лисоволик. Я полностью согласен с мнением В. М. Давыдова относительно ситуации в мировой экономике, которая характеризуется как несбалансированность и неравенство, во многом продвигаемые западными странами в своих интересах. Эти параметры достигают максимальных масштабов именно в вопросах международной интеграции, и если мы посмотрим на такой показатель, как количество интеграционных группировок в среднем, которые имеют наиболее и наименее развитые страны, то увидим разницу не в несколько раз, а в десятки раз. И эта громадная разница в степени интегрированности в мировую экономику определяет и условия функционирования той или иной экономики и тот огромный уровень неравенства, который мы получаем по показателю ВВП на душу населения. Интеграция в мировую экономику и наличие интеграционных группировок у той или иной страны – это ключевой, важнейший инструмент для зарабатывания денег, перевода на себя инвестиционных и торговых потоков. И в этом плане БРИКС – потенциально самая главная угроза для такого миропорядка: асимметричного, несправедливого и несбалансированного. Очень важно, чтобы платформа БРИКС,

которая воспринимается, как мне кажется, все более серьезно странами Запада, развивалась и была жизнеспособной. Импульс жизненности и большей конкурентоспособности в мировых условиях придает БРИКСу инициатива «БРИКС+», которая была выдвинута Китаем в период председательства в 2017 г. «Платформа для интеграции» — так назвали китайцы эту концепцию. Речь идет о том, что расширяется круг партнерств стран БРИКС, что эти страны не ограничиваются отношениями друг с другом, но смотрят уже на всю мировую экономику и потенциальные альянсы. Но даже после последнего саммита, где концепция «БРИКС+» была отражена в итоговой декларации несколько раз, ее ясного понимания нет.

Я выдвинул концепцию «БРИКС+» в начале 2017 г. с определенным видением того, как она может функционировать, и в основе этого понимания было следующее: совершенно естественным продолжением для стран БРИКС являются региональные партнеры наших стран, причем важно, что у каждой страны БРИКС есть свой круг партнеров; каждая из них играет ведущую роль в своем регионе и в определенной интеграционной группировке: Россия — в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Бразилия — в МЕРКОСУР, ЮАР — в Африканском таможенном союзе, для Китая и для Индии также можно найти соответствующие форматы региональных партнерств (Китай — АСЕАН). Такого рода взгляд на расширение партнерств для стран БРИКС тем более релевантен в условиях, когда растущая часть экономической политики стран БРИКС происходит уже не на национальном уровне, а на региональном. Так, торговая политика России в значительной степени происходит уже на уровне ЕАЭС. Когда Китай несколько лет назад предложил инициативу создания зоны свободной торговли между странами БРИКС, Бразилия к этому отнеслась с большой осторожностью: объяснение со стороны бразильцев заключалось в том, что национальная торговая политика переведена из национального уровня на уровень МЕРКОСУР, поэтому необходимо по-другому взаимодействовать, если есть намерение реализовывать подобные мегапроекты. То есть региональные факторы играют в мировой экономике растущую роль не только для стран БРИКС, региональные интеграционные группировки фактически перетягивают на себя значительную долю управления мировой экономикой на фоне того, что глобальные международные институты (например, ВТО) теряют эту роль.

И, что очень важно, когда мы смотрим через эту призму региональных партнерств на страны БРИКС, сразу появляется несколько дополнительных уровней взаимодействия между нашими странами и их партнерами. Не только между этими интеграционными группировками, но у каждой из них есть свой региональный банк развития (так, для ЕАЭС — это ЕАБР) либо финансовая организация, которая может взаимодействовать со своими партнерами на основе софинансирования, обмена опытом и т. п. Выстраивается своего рода сеть подобных альянсов, которая могла бы координироваться недавно созданным Новым банком развития БРИКС, уже запускающим проекты в наших странах. Еще один уровень — это региональные финансовые организации, своего рода «региональные МВФ», которые занимаются финансовой стабильностью. В контексте Евразийского региона есть такая организация — Евразийский фонд стабилизации развития, который выдает кредиты на стабилизацию макроэкономического развития наших стран-членов. В БРИКС тоже есть организация, финансовый агент, который был создан странами — членами объединения, — Пул валютных резервов, который мог бы взаимодействовать с региональными финансовыми организациями.

Тем самым создается целый пласт совершенно другого регионального взаимодействия между нашими странами. Это в числе прочего дает большее представительство наших стран совместно с региональными партнерами в международных финансовых организациях. Если сложить долю стран БРИКС в МВФ, то можно увидеть, что лишь нескольких десятых долей процентов не хватает до тех 15 %, которые представляют собой блокирующий пакет. В формате «БРИКС+» это очень легко превосходит на несколько процентных пунктов — даже если несколько стран не голосуют по тому или иному вопросу, все равно с большой долей вероятности такого рода альянс уже может претендовать на то, чтобы стабильно превосходить долю в 15 % в рамках МВФ. То же самое можно сделать в ВТО и создать объединенный блок, который мог бы серьезно влиять на обсуждение вопросов в этой организации. Самое важное — это альтернативная платформа для интеграции, которая конкурирует с аналогами из западного мира (Транстихоокеанским партнерством и т. д.).

Еще один достаточно важный аспект, одна из надежд, которые возлагаются в экономическом плане на страны БРИКС, — это дедолларизация мировой экономики, большее использование национальных валют. Инициативы по дедолларизации в большей степени возможны именно в данном региональном контексте. Если посмотреть на Евразийский регион, в последние не-

сколько лет идет дедолларизация за счет роста доли рубля и других национальных валют во взаимных расчетах. Что это означает для России, почему нам это может быть интересно? Взять хотя бы один аспект – сопряжение ЕАЭС и стратегии «Один пояс – один путь». Вот платформа для такого рода регионального формата взаимодействия между Китаем и нашей региональной интеграционной группировкой.

Есть альтернативные концепции, которые стали появляться несколько позже моей концепции «БРИКС+». К середине года стали озвучиваться концепции, связанные, например, со взаимодействием стран БРИКС с другими развивающимися странами из группы G20. Китайцы начинают говорить о концепции «БРИКС+» не как об одноформатной, а как об универсальной платформе, которая может включать самые различные форматы взаимодействия: «БРИКС+Африка», «БРИКС+Латинская Америка», «БРИКС+G20», «БРИКС+региональные интеграционные группировки» и т. п. То есть формат совершенно открытый для самого разного рода партнерств. Я все-таки считаю, что больший акцент правильно было бы сделать именно на региональных интеграционных группировках (G20 нас отводит немного не в ту сторону, хотя я не против, чтобы и такого рода формат исследовался).

Есть возражения против такой концепции, самое частое – в том, что Индия не согласится. Но Индия может не согласиться на очень многое с точки зрения того, что происходит в БРИКС. Понятно, что есть обеспокоенность по поводу Китая, что любое активное развитие со стороны БРИКС может быть использовано Китаем для укрепления своей глобальной роли. Поэтому мне кажется, что применительно именно к этой концепции данный аргумент не работает, такой же аргумент можно применить и в целом к БРИКС как объединению. Более того, я считаю, что перевод взаимодействия на региональный уровень от двустороннего, на уровень взаимодействия между региональными интеграционными группировками может несколько смягчить двусторонние противоречия, существующие между членами БРИКС.

Очень кратко взгляд в будущее: председательство переходит к ЮАР, и я думаю, что можно разработать концепцию «БРИКС+» для Африки, можно использовать опыт Китая в части проекта «Один пояс – один путь» – такого рода континентальный мегапроект для африканских стран с участием региональных банков развития. Работа с Африкой мне представляется наиболее перспективной именно в формате региональных блоков, их там четыре–пять, возможно, шесть, с которыми можно работать. ЮАР является членом Южноафриканского банка развития и Африканского банка развития. С этими институтами может взаимодействовать Новый банк развития БРИКС в проведении подобного мегапроекта, который, мне кажется, может увлечь не только страны БРИКС и ЮАР, но и другие африканские страны.

И последнее с точки зрения перспективных исследований для молодого поколения: «БРИКС+» – очень интересная тема для исследований, практически не изученная. Можно посмотреть на конфигурацию и сценарии реализации концепции. Главное в академических подходах – отказ от шаблонов, от клише, которые мы имеем.

О «БРИКС++». Если концепция «БРИКС+» – это региональные интеграционные объединения, то помимо региональных, есть масштабная сеть двусторонних альянсов (инвестиционных, торговых), которые опоясывают мировую экономику. На основе платформы «БРИКС+» можно продолжить такую сеть альянсов с другими региональными интеграционными объединениями или с другими странами, которые имеют зоны свободной торговли со странами «БРИКС+». «БРИКС++» – это другой уровень вхождения в сеть, на основе других видов партнерств, это способ дополнительно расширить доступ к взаимодействию со странами БРИКС и их региональными партнерами. А идея «БРИКС+» уже обсуждается в ЮАР, и есть вероятность, что платформа будет продолжена на саммите в ЮАР.

Е. Я. Арапова. Торговое взаимодействие стран внутри формата БРИКС развивается под действием нескольких современных тенденций. Во-первых, на фоне общего замедления темпов роста внешней торговли более высокие темпы прироста товарооборота были зафиксированы между странами, торговые потоки между которыми до недавнего времени оставались менее значительными: более быстрыми темпами растет импорт Бразилии из Индии, импорт Китая из ЮАР, экспорт Индии в ЮАР, товарооборот между ЮАР и Россией (как экспортные, так и импортные потоки). Во-вторых, в средне- и долгосрочной перспективе торговые отношения внутри формата БРИКС будут характеризоваться наращиванием доли менее технологичной торговли – сырьевых товаров, сельхозкультур и химической промышленности на фоне сокращения доли более технологичной продукции. В-третьих, вопреки традиционной высокой взаимодополняемости торговли внутри БРИКС и очевидной специализации на экспорте различных

категорий товаров взаимодополняемость потоков может ослабевать, что может негативно отразиться на динамике товарооборота внутри формата. В-четвертых, в краткосрочной перспективе, расширение торгового взаимодействия может в большей степени способствовать укреплению традиционной специализации стран – участниц БРИКС, нежели диверсификации структуры производства и экспорта, росту конкуренции и – как следствие – эффективности отдельных отраслей, что не всегда соответствует стратегическим целям национальной экономической политики стран-участниц. В-пятых, в последние годы усиливается разрыв в интенсивности участия стран БРИКС в глобальных цепочках добавленной стоимости. В то время как участие Китая расширяется, повышается доля добавленной стоимости, произведенной на территории Китая, характер участия и место остальных стран формата БРИКС почти не меняется. При общемировой тенденции к увеличению «длины» глобальных цепочек добавленной стоимости Индия, Россия и Бразилия участвуют в традиционно более коротких цепочках, задействованы на начальных стадиях / звеньях производственных цепей, доля производимой в этих странах добавленной стоимости остается ограниченной.

Какова на фоне данных тенденций эффективность торговли России с партнерами по БРИКС? Хотя Китай занимает наибольшую долю в структуре российской внешней торговли в БРИКС, потенциал торговли не выработан в полной мере ни по экспорту в целом, ни по экспорту более стратегически важной промышленной продукции. Торговые отношения с Индией выглядят более оптимистично: несмотря на общее «недоторговывание», экспорт в Индию более узкой товарной группы «Машины и транспортное оборудование» в полной мере вырабатывает имеющийся потенциал. При этом торговлю с Бразилией можно считать относительно более эффективной. В случае ЮАР большая эффективность достигалась в торговле машинами и транспортным оборудованием.

К числу барьеров, препятствующих расширению российского экспорта в страны – партнеры по БРИКС можно отнести:

1. *Использование мер торговой защиты* (антидемпинговых и специальных защитных мер). Наиболее активен Китай в первую очередь в защите внутреннего рынка металлургической и химической продукции. Применение мер приводит к полному уходу с китайского рынка российских товаров, и отмена мер не сопровождается возобновлением поставок.

2. *Санитарные и фитосанитарные меры*. Китай ввел запреты на ввоз целого ряда сельскохозяйственных товаров, в том числе более высокой стадии переработки – продукции переработки зерновых культур и молочной продукции. Введение Индией фитосанитарных мер оказало существенное влияние на поставки растительных масел из России.

3. *Технические барьеры в торговле*. Бразилия и ЮАР наиболее интенсивно применяют технические барьеры в торговле – в отношении пищевых и сельхозтоваров, однако в силу слабого присутствия российских производителей на бразильском рынке сельхозтоваров и ограниченных возможностей расширения поставок в будущем применяемые нетарифные ограничения тормозят динамику двусторонней торговли.

4. *Таможенные пошлины*. Значение тарифных инструментов регулирования импорта внутри БРИКС постепенно снижается, относительно более эффективными инструментами регулирования внешнеторговых потоков становятся нетарифные ограничения. Тем не менее влияние тарифного регулирования на динамику торговых потоков выше, чем в торговле с третьими странами. Расширению российского экспорта препятствуют более высокие ставки таможенных пошлин на сырье (минеральное топливо и металлы) в Бразилии и Индии, а также продукцию химической отрасли в Индии; высокий уровень защиты национальных сельхозпроизводителей во всех странах БРИКС; высокие ставки таможенных пошлин в Китае на изделия из железа и стали.

На фоне данных негативных тенденций сохраняются долгосрочные факторы, способные стимулировать взаимный товарооборот:

1. *Постепенная трансформация импортного спроса стран-партнеров*. В Китае растет спрос на летательные и космические аппараты, наземный транспорт, оптические, медицинские приборы, сельхозтовары. В Индии растет спрос на продукцию военной промышленности, судостроения, авиакосмического и энергетического машиностроения, а также продукцию деревообработки. В Бразилии – на удобрения, продукцию органической химии и другие разнообразные категории товаров химической промышленности. Опережающими темпами, по сравнению с мировым предложением, растет импорт алюминия и изделий из него. Эти тенденции могут способствовать наращиванию взаимной торговли (российского экспорта) в абсолютном выра-

жени; увеличению доли продукции с более высокой добавленной стоимостью; диверсификации «сырьевого» компонента российского экспорта в пользу увеличения доли металлов и снижения доли минерального топлива.

2. *Трансформация отраслевой заинтересованности партнеров в области промышленного сотрудничества.* В области промышленного сотрудничества стран БРИКС происходит постепенное смещение акцентов с расширения партнерства в области геологоразведки и совместного освоения месторождений полезных ископаемых в направлении реализации проектов в обрабатывающей и добывающей промышленности и машиностроении. Расширение многостороннего и двустороннего партнерства в рамках «Консолидированной технологической платформы БРИКС» и «Промышленного инновационного клуба БРИКС», а также реализация проектов Дорожной карты торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС на период до 2020 г. могут в долгосрочной перспективе способствовать отраслевой диверсификации взаимной торговли, повышению в структуре российского экспорта доли товаров с более высокой добавленной стоимостью, в том числе высокотехнологичной продукции, а также стимулировать торговлю услугами.

В реализации существующего потенциала большую роль могут играть информационная составляющая, реализация стратегий активного продвижения Россией своих более конкурентоспособных товаров на рынки стран БРИКС и на мировой рынок в целом.

Н. Г. Хмелевская. Проводились исследования о включении в «бриксовскую проблематику» банковских систем стран-участниц. Найти точки сопряжения в области торговли и инвестиций довольно сложно, главное — удержать те достижения, которые были достигнуты и зафиксированы (на уровне бизнес-сообщества, банковского сообщества и т. д.). Есть отдельные вопросы по поводу состоявшихся структур в виде банковского форума и уже заработавших Нового банка развития и Пула валютных резервов, очень перспективных, на мой взгляд. Но именно в области сотрудничества на уровне банковских систем может быть достигнуто наибольшее число эффектов без нарушения правил ВТО и других договоренностей, в которых участвуют страны БРИКС не на взаимной основе, а по международным соглашениям. Необходимо, на мой взгляд, идти по пути прагматичного, практического разрешения противоречий в экономике в части взаимных многосторонних облегчений. И в сфере расчетов, и сфере переводов, в том числе многостороннего клиринга, возможна «настройка» с точки зрения наших внутренних требований и приоритетов. В деле устройства банковских систем мы очень похожи: к общим схожестям, например, относится вопрос о характере процесса администрирования банковских систем, банковских стандартов, регулирования и надзора. Есть и некоторые серьезные отличия, но в то же время есть уже сформировавшиеся «банковские пары», как я их называю (по аналогии с «валютными парами»). Они определяются не столько по уровню схожести (например, Россия — Китай, Россия — Индия), а с точки зрения взаимного присутствия банков на взаимных рынках и подходов к их регулированию. Конечно, хотелось бы, чтобы у банков была клиентская база — не только физические лица и мелкие переводы, но и торговля, которая дает основу для взаимных расчетов и платежей (это наиболее простые действия с точки зрения их практического освоения и внедрения). В контексте курса на дедолларизацию встает вопрос об использовании национальных валют и самого денежного обращения. На мой взгляд, здесь не нужно идти по пути универсализации, международных стандартов, а опираться на существующие практики стран БРИКС — «единство в многообразии», при этом используя новейшие технологии и «электронную экономику» (электронную торговлю). Сейчас некоторые страны идут по «эволюционному» пути (переход на электронные деньги, электронные системы расчетов, реформатируя денежное обращение). Другие же страны подошли к этому процессу «революционным» путем. Самый яркий пример — Индия, которая занялась демонетизацией, уже есть результаты, причем не всегда положительные. Поле для взаимодействия здесь самое обширное. Более того, такая взаимная настройка (а в некоторых случаях и точная настройка) возможна не столько при наличии политической воли, а даже за ее рамками, поскольку все страны БРИКС регулируют свои банковские системы, опираясь на международные стандарты регулирования. Точки сопряжения здесь наиболее очевидны.

Если использовать количественные модели ведения банковской деятельности (соотношение активов, капитала, выданных кредитов и т. д.), можно вычленив некоторые универсальные подходы (единственное серьезное отклонение по расширению банковского бизнеса — это Бразилия. У них агентская модель банковского бизнеса, которая опирается не только на банковские институты, но и на небанковские). Имеющиеся отклонения можно использовать как

образец для проведения социально-экономических преобразований, потому что Бразилия и Индия — это те страны, которые при проведении реформ по снижению бедности и преодолению разрывов в уровнях благосостояния населения опираются на банковские системы. Малый бизнес и микрофинансирование также являются теми сферами, которые опираются на банковский бизнес и которые находятся в центре внимания БРИКС.

Невозможно всегда оперировать на уровне «больших идей», необходимо переходить к решению практических задач, идти по пути вовлечения в экономическое сотрудничество и мелкого бизнеса, и молодежи. Поэтому, на мой взгляд, в фокусе сегодняшнего внимания — переход от радужных идей и ожиданий к периоду «взросления» и практической деятельности БРИКС как структуры, на базе которой можно добиться облегчений в экономической сфере, закреплению уже достигнутых результатов, а в дальнейшем — расширению сотрудничества на базе облегчения с помощью банковской системы, конкретных действий: банковских услуг и продуктов, использования наших платежных систем в любой из стран БРИКС (именно национальных платежных систем, не только Visa и MasterCard), конверсионных сделок, получения в наличной форме иностранных валют, в данном случае валют стран БРИКС. И для целей ведения бизнеса это будет серьезное облегчение и снижение транзакционных издержек. Такова центральная идея вовлечения банковских систем в формат БРИКС. Не только межбанковский механизм, а именно решение проблемы снижения транзакционных издержек, повышения их эластичности (самым эластичным является тот компонент, который относится к таможенным платежам и сборам, но в этой части сегодня достичь каких-то серьезных договоренностей не удастся, поскольку существуют разные подходы к либерализации внешней торговли). Отношения России и Бразилии — яркий пример конфликтности по поводу санитарных и фитосанитарных норм. И это касается всех стран БРИКС. Необходимо учитывать национальные интересы, создавать консультационные центры для бизнес-сообщества, чтобы была возможность понять национальную специфику ведения внешнеторговой деятельности в каждой стране «пятерки».

СЕКЦИЯ 2. СТРАНОВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ БРИКС

А. Д. Воскресенский. Хотел бы выделить пять тезисов, которые мне представляются интересными:

1. Исследователи много писали о трансформации мировой системы. Сейчас эти процессы перешли в практическую плоскость. Мир трансформируется, появление новых многосторонних институтов маркирует этот процесс, и БРИКС — один из самых ярких примеров. Происходящая трансформация имеет огромную теоретическую и практическую значимость.

2. Возникает ряд новых международных организаций. Часть из них — многосторонние, часть — пока неформальные. Хотел бы сделать акцент на трех проектах: БРИКС, ШОС и «Один пояс — один путь». Последний можно тоже воспринимать как неформальный многосторонний институт, который, видимо, формализовываться не будет, поскольку отсутствие формализации дает возможность быстро приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям. Это еще один придуманный китайцами интересный проект, который имеет форму многостороннего института и может с одной частью других многосторонних институтов конкурировать, другую часть — использовать в своих интересах, а третья станет инструментом продвижения китайских интересов в этом новом поле возникающего взаимодействия. Необходимо обратить особое внимание на теоретическую и практическую сторону «увязки» (или «неувязки»), перекрещивания, совпадения (или несовпадения) этих различных проектов. Внутри появляется неформальная иерархия проектов. Мое ощущение, что «Один пояс — один путь» постепенно начинает «съедать» ШОС. Это происходит, потому что ШОС была заявлена китайской стороной как институт, который должен расширяться в сторону экономического взаимодействия, а это не устраивает многих его участников. Соответственно, появление многостороннего проекта «Один пояс — один путь» можно рассматривать как ответ на неспособность и нежелание ШОС развиваться в экономическом направлении.

Здесь встает вопрос: какова судьба БРИКС? У Китая, хотя это и не афишируется, к БРИКС сложное отношение. С одной стороны, Китай рассматривает БРИКС как многосторонний институт и инструмент, с другой — ряд аспектов внутри БРИКС его интересуют меньше, чем не-

которых других участников. Внутри БРИКС различные компоненты интересов его участников сопрягаются, а некоторые вообще не сопрягаются. Важно подумать, как это увязать, в этом и заключается возможность соединить теорию и практику. Как реализовать на практике методологию продвижения БРИКС, которая давала бы преимущества участникам этой организации (пусть в разном соотношении)? Есть мнение, что БРИКС — это фикция, главное — это РИК. Другая позиция заключается в том, что, напротив, РИК — это фикция, а главное — это российско-китайская связка, и залог успеха БРИКС — в усилении российско-китайского политического стратегического сотрудничества. У других участников БРИКС такие подходы вызывают отрицательную реакцию.

3. При всем этом БРИКС — крайне интересное объединение. Теоретический и практический потенциал России заключается в том, чтобы «оседлать» идею трансрегионализма и показать БРИКС как пример того, как можно двигаться вперед. Это может дать два практических результата: во-первых, позволит продвигать БРИКС дальше, избегая внутренних противоречий; во-вторых — продвигать свое видение БРИКС как практической реализации «незападной» теории международных отношений. Китай продвигает концепцию «блага общей судьбы человечества» (это прописано и в Уставе КПК), которая имеет большое теоретическое наполнение. Концепция предполагает гибкость китайской позиции по ответу на вызовы и противодействие расширению китайских интересов, это ответ на критику в адрес Китая по поводу того, насколько активно Китай продвигает свои интересы. Идея Китая смещает в практическую сторону те акценты, на которых сломалась американская дипломатия. Китай позиционирует собственную политику как «политику общего блага», которое Китай предоставляет ближайшим государствам и их народам (в первую очередь, региональным соседям и тем странам, которые важны Китаю для продвижения его дипломатии и национальных интересов).

4. Происходит дифференциация мирового пространства. На фоне провозглашенной идеи «всеобщего блага» мировое развитие не приводит к унификации мирового пространства с политической, экономической, социокультурной точек зрения. И многосторонние институты с подачи Китая апеллируют к идее уменьшения дифференциации этого пространства, особенно это относится к тем странам и регионам, у которых нет успешного развития. Для этих стран подобная идея весьма привлекательна. И ее необходимо культивировать в кругу тех стран, которые к России относятся хорошо, у которых есть надежда на помощь России.

5. Стержень БРИКС — функциональное выравнивание через трансрегиональное объединение. Это и теоретическая инновация, которую можно продвигать как продолжение «незападной» теории международных отношений. Вырисовывается новая сложная конфигурация трех крупных экономических блоков — ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, связка, возникающая между ЕАЭС и АСЕАН через «Один пояс — один путь», расширение «АСЕАН+» через «Один пояс — один путь» (вопрос: как в этом процессе будет участвовать Россия?), возникает вопрос о переосмыслении отношений с ЕС (по крайней мере, с его частью — Вышеградской четверкой). Через 10–15 лет может случиться, что стремительно растущая Азия во главе с китайскими интересами полностью переориентирует российскую экономику, политику и внешнюю политику, но не решит вопрос самостоятельности и суверенности на международной арене. А БРИКС и «БРИКС+» — это база, которая дает возможность согласовывать разные интересы.

Визит Трампа в Китай — это вызов, хотя он и не воспринимается нашей политической элитой. За шагами Трампа видна стратегия. Самая большая опасность — в формировании «двойки» Китай — США, которая, безусловно, привлекательна для Китая, и, судя по всему, по этому вопросу уже сформировался частичный консенсус внутри американской политической элиты. В США есть политики, которые говорят, что «двойка» — это единственная форма сохранения американского лидерства сегодня. Для нас главный вопрос здесь — о месте и роли России. С одной стороны, отношения у России с США в худшем состоянии, чем когда бы то ни было, с другой — это колоссальный вызов для российско-китайского партнерства и формулирования нашей политики, в том числе в Азии.

В. О. Горбачева. В начале года были озвучены четыре приоритета китайского председательства в БРИКС: углубление практического экономического сотрудничества, совершенствование глобального управления, поощрение контактов между людьми (people to people exchange) и институциональное развитие БРИКС. Весь 2017 г. прошел в «китайском стиле». Россия и Китай — единственные в БРИКС, кто старается максимально использовать свое председательство, чтобы придать импульс сотрудничеству в рамках объединения. Китайское председательство — это более 80 официальных мероприятий на уровне министерств, ведомств, форумы, фести-

вали, симпозиумы. Страны БРИКС в очередной раз подтвердили на саммите 2017 г. в Сямэне, что они намерены продолжать создавать более справедливый равноправный демократический мировой порядок, как политический, так и экономический. Девиз Китая в 2017 г., под которым прошли все мероприятия, — «инклюзивность, открытость и взаимовыгодное сотрудничество». Был сделан большой акцент на сотрудничество по линии «Юг — Юг» и «Север — Юг»; главный посыл концепции «БРИКС+» с китайской стороны — особая роль государств с формирующимися рынками и развивающихся стран в качестве движущей силы мирового экономического развития и глобального управления. И роль БРИКС, по мнению Китая, состоит в придании мощного импульса усилиям налаживания сотрудничества не только по линии «Юг — Юг», но и «Север — Юг». Главная цель концепции «БРИКС+» — придать объединению глобальный масштаб. Не столь важно, какие страны были приглашены к диалогу в 2017 г., главное — было положено начало формированию «клуба друзей БРИКС». Председательство Китая было полностью нацелено на углубление партнерства, в первую очередь это глобальное экономическое управление. БРИКС пока не может преодолеть 15 % в МВФ и сталкивается с явным противодействием со стороны Запада в ведущих финансовых структурах мира, тем не менее в БРИКС были созданы два института финансового сотрудничества — Пул валютных резервов и Новый банк развития (НБР), в котором инвестиционное сотрудничество развивается высокими темпами. В 2017 г. были выданы кредиты на сумму более 3 млрд долл., и на следующий год планируются еще 6 млрд долл. на общие инвестиционные проекты. Открыто первое региональное представительство НБР в ЮАР (это «окно в Африку» для развития инфраструктурных проектов и работы с региональными банками развития), символичной стала закладка первого камня представительства НБР в Шанхае.

Итогом саммита стала большая Сямэньская декларация, в которой перечислены основные достижения стран БРИКС в экономическом сотрудничестве. Был подписан ряд интересных документов, в том числе создание сети электронных портов, продвижение сотрудничества по линии государственно-частного партнерства, интеграция финансовых рынков, содействие торговле, инвестициям. Впервые был сделан акцент на женском предпринимательстве, создана рабочая группа по развитию электронной торговли. В год китайского председательства шагнуло вперед развитие цифровой экономики в рамках БРИКС, активно работает Деловой совет БРИКС, который может предложить идеи Новому банку развития для инвестиций и развития региональных инфраструктурных проектов, которые будут направлены на экоустойчивое развитие (проекты, связанные с энергетикой, улучшением экологической ситуации в странах «пятерки»). Россия получила кредиты НРБ: на строительство маломощных ГЭС в Карелии и автомагистрали из Уфы. Более 2/3 кредитов в следующем году пойдут на проекты по устойчивому развитию стран БРИКС. Следующий региональный центр Банка БРИКС будет открыт в Бразилии, а к 2019–2020 гг., согласно обещанию Министерства финансов РФ, такой региональный центр появится и в России. Помимо этого, Фонд подготовки инфраструктурных проектов будет отвечать за распределение инфраструктурных проектов в странах БРИКС на ближайшие пять лет.

Впервые в 2017 г. была подписана «Стратегия развития» НБР. Китай активно развивает тему «зеленой экономики», «голубой экономики». Наука, технологии, инновации — это то направление, в котором страны БРИКС поступательно наращивают сотрудничество, особенно в области введения инноваций в такие сферы, как использование ИКТ, обеспечение безопасности Интернета, «Интернет вещей», «Большие данные» (Big Data). БРИКС идет в ногу со временем, делает акцент на сотрудничестве в области энергетики, экологии, изменения климата, устойчивого развития африканского континента, сельского хозяйства, продовольствия, особенно активно развивается сотрудничество в сфере космической деятельности (есть намерение открыть совместную космическую станцию стран БРИКС).

Неизменной в повестке БРИКС остается вопрос обеспечения мира и безопасности, хотя изначально предполагалось, что БРИКС — не политический союз, но сейчас мнения экспертов разделились (одни считают БРИКС сугубо экономическим альянсом, другие — политическим объединением). В повестке и итоговых декларациях прописывается отношение стран БРИКС к ключевым конфликтам в горячих точках на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Африке.

Но самое примечательное в год китайского председательства — быстрое продвижение проекта «people to people exchange», чтобы народы стран БРИКС ощутили гордость за влияние их стран в мире. Были достигнуты практические соглашения в области культуры, образования, науки, были созданы альянсы театров, музеев, впервые в 2017 г. прошли спортивные игры стран

БРИКС, стартовал футбольный турнир стран БРИКС. Китай активно развивает молодежные гражданские инициативы сотрудничества (Форум молодых дипломатов БРИКС, Молодежный саммит БРИКС, мероприятия Российского союза молодежи с подключением формата ШОС и проч.).

Главное достижение Китая в 2017 г. — укрепление самого духа БРИКС, ориентация на консолидацию позиций, несмотря на большое количество противоречий. О расширении БРИКС речь пока не идет, существует мораторий, хотя есть и явные претенденты на включение в формат (Индонезия, есть интерес со стороны Италии, где активно развиваются академические исследования БРИКС). Ждем председательства ЮАР в БРИКС в 2018 г., ожидается, что сотрудничество будет продолжено в том же ключе. США в ходе визита президента Трампа в Китай (ноябрь 2017 г.) высказали идею нового Индотихоокеанского альянса с привлечением Индии, предполагающего развитие сотрудничества таких морских держав, как США, Индия, Австралия, Япония. Визит Трампа в Азию примечателен тем, что США показали свою позицию, предоставив Китаю свободу действий. США формируют блок союзников, чтобы оставить Россию «не у дел». Поэтому мы примкнем к Китаю, который не намерен сдавать свои позиции. Мы становимся свидетелями разделения мира на два блока: Евроатлантический и Евроазиатский.

Т. Л. Дейч. После саммита БРИКС состоялся очередной съезд КПК — событие, которое открывает перспективы сотрудничества с Китаем. В докладе Си Цзиньпина говорилось, в частности, о значении для Китая Октябрьской революции, которая превратила коммунизм в высшую цель и идеал для китайского народа. Лидер Китая подтвердил цель построения социализма с китайской спецификой в новой трактовке, которая отличается от трактовки Дэн Сяопина. Си Цзиньпину удалось решить вопрос консолидации своей власти, а это непосредственно отражается на политике Китая в БРИКС. КПК укрепила авторитет внутри страны, а Китай укрепил свое положение на международной арене. По мнению некоторых политологов, Си Цзиньпин приблизился по уровню своего авторитета к Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину. Во внешней политике Китай будет придерживаться прежнего курса. Основной принцип его политики — невмешательство во внутренние дела других стран, активное участие в процессах развития и глобальной системы управления на правах ведущего участника (без стремления к гегемонии).

Прошедший саммит БРИКС в Сямэне поставил задачу поднять на новый уровень сотрудничество Юг — Юг, создать возможности для экономического роста и социального прогресса всех развивающихся стран. Китай держит курс на лидерство в среде развивающихся стран. Мы много говорили о таком новом явлении, как «БРИКС+». Этот формат назвали новым, но он конституировался уже на саммите в 2013 г. в Дурбане. Были приглашены африканские страны, и можно ожидать, что страны Африки будут также широко представлены на саммите в ЮАР в 2018 г. Позволю себе процитировать мнение Я. Д. Лисоволика: «Инициатива «БРИКС+» ставит перед собой задачу создания новой платформы для укрепления региональных двусторонних альянсов на разных континентах, нацеливаясь на объединение региональных интеграционных блоков, в которых страны БРИКС играли бы ведущую роль». После сформулированного в Сямэне приглашения к участию в саммитах БРИКС других стран в кулуарах шли разговоры о причинах такой позиции, не планирует ли БРИКС расширить число своих членов. Но это не так. Я обратила внимание на то, что две страны из пяти приглашенных — африканские. Это говорит об интересе к Африке, и в этом видно влияние Китая, корой проявляет к Африке беспрецедентное внимание. Лидеры БРИКС уже провели встречи с руководителями вышеупомянутых стран, 27 африканских журналистов освещали работу саммита.

Буквально каждый пункт Сямэньской декларации имеет прямое отношение к Африке (п. 6 «Создание более справедливого, равноправного экономического порядка как одна из главных целей БРИКС» — за эту цель уже годами ратует Африка; пункт 14 подтверждает приверженность БРИКС выполнению программы устойчивого развития ООН — поскольку Китай здесь играет решающую роль, он является и лидером в оказании помощи Африке, с ним в этом вопросе никто не может соперничать). Многие получатели помощи являются странами со значительными природными ресурсами — Ангола, Судан, но есть и Эфиопия, которая небогата ресурсами.

По оценкам американского университета Дж. Хопкинса, Китай к 2014 г. предоставил Африке займы на сумму более 80 млрд долл., причем большая часть не на обеспечение добычи и поставок сырья, а на объекты инфраструктуры. Китай — лидер в обеспечении инфраструктуры Африки, причем более 50 % займов были направлены на обеспечение двух секторов: транспорта и электроэнергетики. Железные дороги получили 80 % от займов в транспортную инфраструктуру.

туру, газопроводы — 80 % от всех займов в энергетике, — то есть в те направления, которые необходимы Африке. По некоторым источникам, Китай только в 2015 г. потратил на транспортную инфраструктуру 13 млрд долл., а к 2025 г. намерен потратить 200 млрд.

Внимание Китая к инфраструктуре Африки отвечает задачам повестки дня. Это повестка 2063, принятая Африканским союзом, «Африканская мечта» — соединить все столицы африканских стран сетью железных дорог, проложить авиасообщение и т. д. П. 32 Сямэньской декларации гласит: «Мы продолжим твердо противостоять протекционизму». Как известно, Китай борется с протекционизмом, с 2009 г. он — крупнейший торговый партнер Африки, и этим он во многом обязан снижению и ликвидации тарифов: в торговле с наименее развитыми странами все тарифы уже сняты. И здесь нельзя не сказать о проекте «Один пояс — один путь», поскольку он даже включен в Устав партии. Шли дискуссии о включении либо невключении Африки в проект. Все-таки ее включили, и в Восточной Африке начали строить железные дороги. В Кении строится дорога Найроби — Момбаса, которая идет в Кампалу (Уганда) и потом пойдет в Южный Судан. Для Китая это выгодно, поскольку он обеспечивает себя портами для вывоза сырья, но это хорошо и для Африки. Сейчас Китай действует чрезвычайно активно в Сирии, Б. Асад пригласил его участвовать в восстановлении страны. Китай воевать не пойдет, но оружие поставляет, и китайцев ждут в любом секторе экономики, которая полностью разрушена. Не исключено, что «Пояс» пойдет и в Дамаск. Развивая инфраструктуру, Китай сможет передать Африке свои достижения (например, в строительстве высокоскоростных магистралей). Китайские эксперты видят два преимущества для Африки: первое — это позволит Китаю использовать свои преимущества в строительной сфере, что принесет пользу Африке и в то же время будет стимулировать рост в Китае, который сейчас замедлился; второе — возможность передать Африке производственные предприятия интенсивного труда, что создаст рабочие места, стимулирует рост производства и т. д. Что касается устойчивого развития, Китай очень много делает в сфере образования. Задача гуманитарного и культурного сотрудничества провозглашена и самими африканцами. И Китай здесь действует очень активно: 32 тыс. человек в 2015—2018 гг. получают стипендии, из 400 действующих в мире Институтов Конфуция 47 — в Африке, в Китай ежегодно приглашают по 200 африканских ученых, реализуется план совместных исследований «20+20» (20 институтов Китая + 20 африканских), действует «Фонд человеческих ресурсов» и т. д.

Большое значение для Африки имеет Новый банк развития. Первый региональный центр этого банка открылся в ЮАР 17 августа 2017 г. Это обеспечивает доступ стран Африки к кредитованию. МИД КНР официально заявил, что Китай готов оказать поддержку ЮАР и этому центру, чтобы помочь ему сыграть должную роль в содействии развитию. Еще за год до открытия центра Банк подписал меморандум о взаимопонимании в вопросах стратегического сотрудничества с южноафриканским Standard Bank. Это — результат проекта «БРИКС+», наглядный пример сотрудничества. ЮАР уже подала заявку на получение первого кредита от государственной энергетической компании «ЭСКО». И президент ЮАР Дж. Зума заявил, что рассчитывает на активную деятельность банка в других странах Африки. Банк готов выдавать кредиты в национальных валютах — это новое слово в международном финансовом праве.

Снова обращаюсь к Сямэньской декларации: пункт 40 ставит задачу реформирования СБ ООН с получением прав постоянных членов и Бразилией, и Индией, и ЮАР. Тот факт, что ЮАР стала членом БРИКС, дал ей очень большие преимущества, она уже позиционирует себя иначе. Но ЮАР встречает противодействие. Против этого сдержанно, но выступают и Китай, и Россия, поскольку это усложнит работу СБ. Кроме того, на африканском континенте на подобное членство в равной степени претендуют Нигерия и Египет. Далее. Пункт 48 Декларации подтверждает приверженность БРИКС борьбе с терроризмом. Только в 2016 г. мишенями террористических атак стал целый ряд африканских стран (Нигерия, Сомали, Уганда, Ливия). Китай принял антитеррористический закон, но также подвергает себя риску, работая в этих странах. В пункте 46 страны БРИКС приветствуют усилия африканских стран в поддержании мира и безопасности в регионе и сами активно участвуют в операциях по поддержанию мира. По числу миротворцев лидирует Индия, намного опережая все другие страны (7 736 представителей Индии в миротворческих операциях по состоянию на июнь 2017 г.). Китай — наиболее активен среди постоянных членов СБ (2 500 человек). Выступая на сессии Генассамблеи ООН в 2017 г., Си Цзиньпин заявил о дополнительной присылке в Африку 8 тыс. китайских миротворцев. В Мали от рук террористов погибли китайские представители, и Китай направил туда

своих военных с целью защитить миссию ООН и инфраструктуру Мали, а боевые части направил в Южный Судан.

Таким образом, прошедший в Китае саммит может значительно укрепить позиции Китая в Африке, потому что очень многие позиции Китая и Африки перекликаются.

ЮАР везде выступает синхронно и с Россией, и с Индией, она не противопоставляет себя другим государствам, ведет себя как еще молодой участник объединения. Конечно, на саммите 2018 г. ЮАР будет вновь поднимать вопрос о постоянном членстве в СБ ООН. Также в центре саммита будут проблемы устойчивого развития, помощи, инвестиций. При этом между африканскими странами существуют разногласия: в ЮАР имеются расовые предрассудки, остается неопределенность относительно нового лидера ЮАР, другие государства Африки упрекают ее в прозападном курсе. Что касается отношений ЮАР с Россией, там работают российские компании «Ренова», «Северсталь», «Алроса», развивается военно-техническое сотрудничество, совместными усилиями построен завод по ремонту и модернизации вертолетов (здесь будут ремонтироваться поставленные Россией более 700 вертолетов). Есть соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетики (закупка топлива, обучение кадров и совместные исследования). Но надо сказать, что в ЮАР сейчас идет активная русофобская кампания. ЮАР не хочет нарушить отношения с США, как и с другими странами Запада. В торговле России с ЮАР имеет место спад (в 2016 г. — 730 млн долл., а в 2015 г. — 1 млрд долл.). Россия надеялась получить контракт на строительство атомных реакторов, но резко против выступила Франция, которая негативно действует в отношении России. Также активно действуют в ЮАР компании Китая, которые конкурируют с российскими, хотя и не выступают столь открыто. В целом сотрудничество России с ЮАР развивается, но гораздо интенсивнее развивается сотрудничество ЮАР с Китаем.

С. И. Лунев. Несмотря на имеющие место новые явления в системе международных отношений, БРИКС по-прежнему остается крупнейшим объединением незападных стран. И экономическая составляющая здесь доминирует. Именно так воспринимается данный феномен в Индии. И именно сквозь призму подобных подходов следует рассматривать существующие «парадоксы» во внешней политике Индии. С одной стороны, сейчас наблюдается «медовый месяц» в индийско-американских отношениях: столь высокого уровня двусторонних связей не было никогда — это относится и к очень высокому уровню политических отношений, и к серьезному наращиванию американцами своего положения на военном рынке Индии (что принципиально, поскольку Индия — главный покупатель вооружений в мире, на нее в последние 15 лет приходится 15 % этого рынка). США пытаются вытеснить с индийского рынка Россию, которая ранее занимала на нем 70–75 %. Сейчас наша доля упала. Интересно, что, по данным СИПРИ, у нас 65–70 %, а по данным российских экспертов — 40 %. Столь большой разрыв требует дополнительного изучения, но в любом случае отчетливо видно, как мы проиграли американцам рынок военно-транспортной авиации.

США — один из главных экономических партнеров Индии, имеются и достаточно тесные отношения в культурно-цивилизационной подсистеме с обеих сторон: США всегда поддерживали Индию с точки зрения внутривнутриполитического устройства, американские президенты, приезжая в Индию, всегда называли ее крупнейшей демократией в мире. Это подходы и всего Запада: в экономическом соревновании Индии и Китая практически все без исключения западные эксперты хотели бы видеть победу «демократической Индии» над «тоталитарным Китаем». Также необходимо принимать в расчет положение индийской диаспоры в США: это чрезвычайно благополучная диаспора, и уже более 3 млн американцев индийского происхождения, и поскольку речь шла о миграции именно элиты, то индийская диаспора элитная. Сейчас очень трудно найти представителя индийской элиты, который не имел бы родственников или близких друзей среди граждан США. Индийская диаспора занимает второе место среди этнических диаспор по душевому доходу, 2/3 ее членов имеют высшее образование и занимают высокое положение на рынке высоких технологий (в Силиконовой долине 30 % предприятий либо принадлежат индийцам, либо ими возглавляются), а также в журналистике, медицине и т. д. Подобное положение отражается на внешнеполитическом курсе Индии и весьма негативно для России.

Еще один важный момент: «дуумвират» Китай — США («G2», о которой говорил А. Д. Вокресенский) не состоялся исключительно потому, что США сегодня (хотя госдеп США этого никогда не признает) ни одну страну мира на видят в качестве полноправного партнера; Китаю в этой «двойке» предлагалась роль «младшего брата», что Китай, естественно, не устроило. Китай является главным соперником США, а главная стратегическая политическая цель США

— недопущение появления какого-либо конкурента в обозримом будущем. Это было заявлено еще в 1992 г. в секретном докладе Пентагона, опубликованном впоследствии *New York Times*. Сейчас любопытно вспомнить, кого в 1992 г. США считали потенциальными конкурентами — это были Япония и Германия, а о Китае тогда речи не шло. И лишь примерно три года назад, когда американцы «затягивали» Россию в антикитайский блок, был сформулирован четкий американский подход. Немало американских профессоров читали лекции студентам и преподавателям лучших вузов страны и рассказывали, что Китай — враг России, ничего хорошего от сотрудничества не будет, и нам надо продолжать ориентироваться на США, как в 1990-е гг. Одновременно с этим в ежеквартальных отчетах Пентагона звучали фразы о том, что Индия играет основополагающую роль в процессе «окружения» Китая. Военные связи Индии и США активно развиваются и имеют фактически антикитайское направление. Индийско-американские учения были практически на границе с Китаем, активно идут военно-морские учения Индии и США, к которым иногда подключают Японию, Австралию и Сингапур.

К БРИКС у Индии очень серьезное отношение. Здесь двусторонний уровень совершенно не совпадает с глобальным. Индийско-американского сближения не наблюдается ни по каким глобальным вопросам и, за исключением Восточной Азии, ни по каким региональным вопросам. Очень интересно сравнить документы и коммюнике после индийско-американских, индийско-китайских и индийско-российских саммитов. В индийско-американских документах практически нет упоминания о глобальных проблемах, и почти никогда не говорится о региональных, потому что подходы разные, тогда как индийско-российские документы после саммитов изобилуют глобальными и региональными вопросами, по которым две стороны имеют одинаковую точку зрения. Все это вытекает из положения Индии в мире. Она, как Китай и Россия, полагает, что подвергается дискриминации. Поэтому эти три государства занимают очень близкие позиции по основным глобальным вопросам. Монопольное положение Запада в политике и экономике вызывает недовольство основных стран БРИКС, и благодаря совместной деятельности они пытаются улучшить свое положение в мировой системе. У Индии здесь будет достаточно жесткий подход. Здесь совершенно с противоположной стороны раскрываются индийско-американские и индийско-китайские отношения.

В индийско-китайских отношениях огромное количество проблем, которые, правда, иногда преувеличиваются СМИ (по всему миру летом прошел шквал по поводу столкновений индийских и китайских военных на территории Бутана, никто не обратил внимание на заявление Моди, что за более чем 40 лет на индийско-китайской границе не прозвучало ни одного выстрела. Инцидент раздули до невероятных масштабов). Большое количество проблем вытекает из базового противоречия — недоверия двух азиатских гигантов друг к другу, особенно со стороны Индии. Я считаю, что Индия уже превратилась в великую державу, хотя этот статус не признан мировым сообществом. Если развитие пойдет по наметившейся сейчас траектории, то Индия и Китай действительно станут конкурентами первоначально в Азии, а в последующем и на мировой арене. Но при этом на ближайшие 10–15 лет практически нет противников развития индийско-китайских отношений в рамках БРИКС (а эти связи важны обеим странам для укрепления своих позиций в мировой системе). Индийцы очень четко осознают, что они во многом Китаю уступают (по объему экономики — в 2,5 раза; в конце 1940-х гг. эти объемы примерно совпадали). Возникает важный вопрос: насколько демократия способствует развитию экономики? Демократическая Индия развивалась гораздо менее быстрыми темпами, чем тоталитарный Китай. Еще один вопрос — что первично: демократия дает толчок экономическому росту, или экономический рост позволяет развиваться демократическим тенденциям. Скорее всего, второе.

По глобальным вопросам в последние годы при голосовании на Генассамблее ООН Индия попадала в тройку стран, голосовавших наиболее близко к Китаю по всему мирополитическому комплексу. Так что, если смотреть глубже, никаких особых противоречий между Индией и Китаем нет. Индия вообще сыграла ключевую роль и в становлении БРИКС, поскольку в БРИКС произошло объединение двух структур: РИК, который появился благодаря Е. М. Примакову в 1998 г. в Дели, и ИБСА с участием Бразилии, Индии и Южной Африки. Идея РИК первоначально была встречена холодно, но все изменилось после агрессии НАТО в Югославии в 1999 г., когда НАТО грубо нарушила не только нормы международного права, но и собственный устав, запрещавший вести военные действия вне стран — участниц блока. Позже они свой устав «поправили», в результате НАТО стала явно агрессивным наступательным блоком, поскольку имеет право вести военные действия, где хочет (до этого НАТО была оборонительным институтом). В связи с событиями в Югославии вернулись к идее

Примакова: произошло соединение РИК и ИБСА, а Индия – очевидный «отец-основатель» всего БРИКС.

Если посмотреть на современную миросистему с позиции теории больших систем, то мы увидим, что пока будет стремление к сохранению многополярной системы, монополярной система стать не сможет, так как управлять большой системой из одного центра нельзя. Что касается биполярности: сначала рассматривались в качестве двух полюсов Север и Юг, сейчас биполярность рассматривается в контексте американо-китайских отношений. Но теория больших систем говорит о том, что управление большой системой из двух центров уникально. Таким образом, полицентричность – это магистральный путь для развития мировой системы, и к 2030 г., с моей точки зрения, четко просматриваются только три глобальных актора: США, Китай и Индия. Индия в экономическом плане развивается очень быстро и по темпам экономического роста превосходит Китай. В последние три года у нее устойчивые темпы развития – около 7,5 % в год, Индия занимает 1-е место среди крупных стран. В 2016 г. она заняла восьмую позицию, но ее опередили крохотные страны. В соответствии с американским средневзвешенным прогнозом (академический прогноз, прогноз бизнес-структур и прогноз международных организаций), до 2030 г. будут сохраняться одинаковые темпы роста для Индии и Китая (на уровне 5,5 %). Но пока Индия имеет более высокие темпы роста, а по росту промышленности – под 8 % в 2016 г. Популярность Моди на выборах 2014 г. была связана с потрясающими темпами роста промышленности в его штате.

В Индии экономический блок работает намного профессиональнее, чем в России. В 1990 г. СССР оставлял 9 % мировой экономики, Россия в составе СССР – 6 %, сейчас чуть больше 2 %, то есть – падение в три раза. Понятно, что при такой экономике Россия не может справиться с решением внешнеполитических задач, учитывая развитие наших партнеров – Индии и Китая.

БРИКС – это объединение региональных держав. Термин «региональная держава» можно понимать двояко: в духе Обамы, то есть «за пределами своего региона страна ни на что не способна», а можно воспринимать страну как «очевидный доминант в своем регионе». Все страны БРИКС являются региональными державами в позитивном понимании, а таковых в мире очень мало: Индия, Китай, Австралия (правда, ее окружает регион крохотных стран), Бразилия, Мексика (в Латинской Америке). В Африке – это проторегionalные державы, которых, видимо, только две: ЮАР и Нигерия, вокруг которых сложились два относительно эффективных региональных объединения (из около 200 в Африке в целом): САДК вокруг ЮАР и ЭКОВАС вокруг Нигерии. И когорту региональных держав дополнила Россия после 1991 г. Соответственно, БРИКС – союз региональных доминант в позитивном смысле.

Индия – надежный член БРИКС, она совершенно очевидно взяла курс на продолжение политики балансирования и лавирования. Индийская внешняя политика демонстрирует чрезвычайную преемственность. Как правило, это позитивно: когда к власти приходили политические силы совершенно разной ориентации (левоцентристы, центристы и правые), никаких серьезных изменений в политическом курсе и во внешней политике (неприсоединение Индии) не было. Индия как проводила в прежние времена политику лавирования между СССР и США, что приносило ей огромную прибыль (СССР создал ей тяжелую промышленность, а американцы подарили за 10 лет 10 млрд долл.), так и уже в наши дни продолжает балансировать между США и Россией, между США и Китаем; более того, она умудряется балансировать и на региональном уровне: на Ближнем Востоке – между Ираном и США, между Ираном и Саудовской Аравией, между Израилем и арабскими государствами. Таким образом, для Индии БРИКС очень важен с точки зрения укрепления своего положения в мировой системе, при этом она будет продолжать и впредь вести политику лавирования и балансирования.

Е. Я. Арапова Недавно было анонсировано, что в практическую плоскость перешли переговоры о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Индией. Как индо-американский «медовый месяц» и политика балансирования Индии могут повлиять на интенсивность и эффективность переговорного процесса по созданию ЗСТ ЕАЭС – Индия? И если такая зона свободной торговли будет сформирована, сможем ли мы «отыграть» обратно рынок военно-транспортной авиации?

С. И. Лунев. Рынок военно-транспортной авиации никак не касается вопроса о зоне свободной торговли. С Индией на этом рынке мы работаем более полувека, они привыкли к нашему оружию, научились работать с нашими технологиями. У нас развивалось кооперационное сотрудничество, когда мы не само по себе вооружение поставляем, а технологии с дальнейшим производством по лицензии на территории Индии. Утрата позиций связана с неэффективной

работой Рособоронэкспорта (например, отказ от участия в военных ярмарках), отсутствием поставок запчастей, медленным удовлетворением рекламаций, отказом от рекламы и пропаганды и прочее. Индия еще с 1980-х гг. пыталась начать диверсификацию закупок вооружения, но долгое время это не удавалось. Сейчас меняется позиция Запада: раньше он не хотел поставлять в Индию самое современное вооружение, сейчас согласен. А поскольку Индия в экономическом смысле окрепла, вопрос оплаты (стоимости продукции) стоит менее остро. В принципе, США никогда не высказывали болезненного отношения к тому, что Индия может иметь зону свободной торговли с постсоветским пространством. Они относятся к вопросу нейтрально.

Е. М. Астахов. Вначале выскажу несколько общих замечаний. В современной турбулентной международной обстановке позиции БРИКС постепенно укрепляются. И в начале формирования БРИКС, и сейчас еще сохраняются крайне негативные снисходительные оценки БРИКС. Это неверно. Пока очертания БРИКС не прояснились, но формат может пойти по совершенно неожиданной траектории. Я не исключаю, что на месте непонятого «диалогового механизма» может появиться нечто вплоть до серьезного военно-политического союза. Уже сейчас БРИКС себя зарекомендовала как по меньшей мере альтернативная модель. Это привлекает внимание по всему миру, поскольку во многих странах есть отторжение капиталистической модели. Сегодня важно признать, что Россия — не лидер БРИКС. Мы можем быть интеллектуальным лидером, но не экономическим. Это связано и с экономической политикой правительства, и с экономической ситуацией в мире, и с тем, что мы практически потеряли 25 лет для собственного развития. Пришло время переоценки ценностей, разработки действенного механизма для укрепления геополитических позиций. И эту необходимость видят в Латинской Америке. Латиноамериканцев с учетом нынешней мировой политической обстановки в целом устраивает философия БРИКС: многополярность, отсутствие военно-политического блока. Латиноамериканские страны, в отличие от многих других, не связаны военно-политической дисциплиной, они свободны, это определяет во многом и наш интерес к Латинской Америке. Аргентина очень хотела войти в БРИКС, но латиноамериканцы видят экономическую перспективу только со стороны Китая. Товарооборот России со странами Латинской Америки, по разным данным национальной и международной статистики, составляет примерно лишь около 18 млрд долл. (с Китаем — это 450 млрд, с США — 660 млрд). Это очень приблизительные оценки, но цифры несопоставимы. При этом американцы видят и существующие разногласия в БРИКС, и отсутствие четкой структуры, и ориентацию Индии на США. А латиноамериканцы видят больше перспектив в ЕС: и рынки, и источники финансирования.

Бразилия была одним из инициаторов БРИКС, ей этот формат был интересен и с точки зрения геополитической перспективы, и с позиции «индийской направленности». Даже сегодня, в тяжелой внутривнутриполитической обстановке, бразильцы рассматривают себя в качестве одного из будущих центров. И исходя из этой, пусть и очень далекой стратегической цели, они считают себя обязанными быть на всех международных площадках, стремиться к расширению своего участия в G20, к доступу к другим институтам. В политической проекции Бразилия рассматривает и решение своих геополитических задач. Как и всех латиноамериканцев, ее интересует доступ к источникам финансирования и обеспечение равных условий мировой торговли. Со вторым вопросом очень тяжело: несмотря на многочисленные заявления о свободной торговле и роли ВТО, сегодня происходит пересмотр многих принципов и подходов. Считается, что экономика определяет политику, но сегодня политика определяет экономику. Заинтересованность Бразилии в БРИКС связана именно с этими задачами: философия БРИКС, реформирование системы глобального управления в интересах развивающихся стран (Север — Юг, Юг — Юг и т. д.). Необходимо также учитывать, что в гражданском обществе Бразилии идет усиление антиглобалистских настроений, и эта тенденция имеет большую политическую перспективу. И все эти факторы определяют активность Бразилии в практической деятельности БРИКС.

Бразилия предлагала много интересных инициатив и по линии образования, и по линии муниципального сотрудничества. Такую ее активность в БРИКС наши так называемые партнеры простить не могли. Я не сторонник конспиративных идей, но не могу не чувствовать, что вся нынешняя неблагоприятная внутривнутриполитическая обстановка связана в том числе с тем, что Бразилия является членом БРИКС. Задача достичь политической нестабильности внутри Бразилии была поставлена для того, чтобы выбить из БРИКС это важное звено. Это совершенно очевидно. Посмотрите, как происходит смена руководства в странах, которые так или иначе не устраивают американцев, — Украина, Ливия, Ирак... список можно продолжить. Сейчас на очереди Россия. И Бразилия тоже «попала под раздачу». У американцев есть несколько способов

воздействия: политическое, экономическое, информационное давление, а есть — юридическое (сам Трамп попал в эту ловушку и ничего не может сделать — один лишь генеральный прокурор держит его на ниточке). Так же сейчас все политическое руководство Бразилии — в руках прокуратуры и судопроизводства. Это чисто американская калька, американцы — мастера в этих делах. Что будет дальше, трудно сказать, у власти в Бразилии оказался человек, которого все-речь никто не воспринимает. Он сам повис под угрозой коррупционных расследований, а МИД Бразилии полностью парализован. Но я все-таки верю, что Бразилия преодолеет эту ситуацию, и полностью отрицаю возможность выхода Бразилии из БРИКС, как бы этого ни хотели США. Но не исключена ослабленная политическая активность Бразилии в БРИКС. Так или иначе, с учетом перспективы превращения в один из мировых центров влияния, мне кажется, что для Бразилии было бы бессмысленно терять хоть одну какую-то международную диалоговую площадку. Она будет оставаться в БРИКС и оказывать поддержку по крупным стратегическим проблемам.

Л. С. Окунева. Бразилия, наряду с РФ, считалась одним из «промоторов» создания данного объединения во второй половине «нулевых» годов. Бразилия действовала активно, рассматривая направление БРИКС как одно из главных, подчас даже определяющих в своей внешней политике. Особенно ярко данная активность проявилась накануне и в период проведения саммита 2010 г. (а это был второй саммит, после российского Екатеринбурга в 2009 г.) в столице страны г. Бразилиа. Да и впоследствии, в период 2010–2014 гг., то есть на пути к саммиту в г. Форталеза и в сам момент этого саммита, Бразилия шла в авангарде «бриксовского» движения. Бразилию и Россию рассматривали тогда как основополагающую «ось», «хребет» БРИКС. В тот период Бразилия расценивала свою деятельность в составе «пятерки» как проявление своих глобальных устремлений, как шаг на пути реализации себя уже как глобального, а не только и не столько регионального игрока. Свое растущее влияние на международной арене Бразилия стремилась подкрепить идеями, полностью соответствовавшими формату БРИКС и ее месту в нем: многополярный мир, многосторонняя дипломатия, кооперация по линии Юг — Юг, реформа СБ ООН (в чем ее поддерживали Индия и ЮАР, со своей стороны также стремившиеся к реализации подобной реформы). Бразилия имела как общекриксовскую позицию, так и развивала отношения с каждым из членов «пятерки»: с Китаем это было беспрецедентно масштабное экономическое сотрудничество (хотя и с большей выгодой для Китая, что порождало немалые опасения в Бразилии), ставшее основой стратегического партнерства; с Индией — широкомасштабное сотрудничество в сфере высоких технологий, контакты (в том числе, и в сфере военного сотрудничества) в рамках созданного в 2003 г. т. н. «треугольника ИБСА» (Индия, Бразилия, ЮАР); с ЮАР — растущие экономические связи, рассмотрение этой страны как «ворот» для проникновения на давно манивший Бразилию африканский континент и главное — рассмотрение ЮАР как своего «цивилизационного» партнера, имея в виду этнический состав населения Бразилии (кстати, этот фактор, рассматривавшийся властями Бразилии как определяющий в отношении ЮАР, стал основой для того, что именно Бразилия предложила включить ЮАР в качестве нового члена в тогдашнюю «группу БРИК»). Наконец, с Россией Бразилия развивала торговлю и экономическое сотрудничество в плане взаимодополняемости экономик, укрепляла политическое взаимодействие на основе совпадающих или близких взглядов на современные мировые проблемы.

Таким образом, в период правления левоцентристов (2003–2015 гг.) Бразилия была одной из «опорных точек» объединения. В тот период не только бразильско-«бриксовские», но и российско-бразильские отношения получили новое наполнение (при этом сближение позиций, по словам бразильского эксперта Д. Магалиса, происходило скорее в рамках многосторонних форматов, нежели на двустороннем уровне). Внешняя политика России и Бразилии совпадала в части многосторонних инициатив, выдвигаемых странами с растущей экономикой, особенно после мирового экономического кризиса 2008 г. Обе страны начали координировать позиции не только в традиционных международных организациях, таких как Совет Безопасности ООН и Генассамблея ООН, но также на «молодых» площадках — в БРИКС и G20. Однако в этот довольно плавный и достаточно беспроблемный путь Бразилии в БРИКС ворвались события внутривнутриполитического порядка. После президентских выборов 2014 г. в Бразилии усилился экономический кризис, но главное — обострился и достиг пика кризис политический. Этот кризис, сопровождавшийся грандиозными коррупционными скандалами и расследованиями, в которых оказались замешаны представители практически всех партий, парламентских фракций, исполнительной и законодательной власти, включая руководителей обеих палат парла-

мента, лидеров политических партий и т. д., нарастал как снежный ком и в результате привел в 2016 г. к смещению левоцентристского правительства Д. Руссефф и приходу к власти правых консерваторов во главе с бывшим вице-президентом М. Темером. Это политическое действие, развернувшееся в форме импичмента президента Руссефф, получило название «парламентского», или «конституционного» переворота. Действительно, в строго демократических рамках, при неукоснительном соблюдении конституции законное правительство, избранное 45 млн голосов, оказалось отстранено от власти. Ныне Бразилия стала не просто развиваться по новым правилам, по чистейшим неолиберальным рецептам (что вообще-то для нее не внове, но таких масштабов неолиберализма, пожалуй, еще не было) — она полностью изменила вектор развития. Стремясь вывести страну из экономического кризиса, кабинет Темера разработал меры по оживлению экономики, однако все они крайне непопулярны в обществе. Об этом свидетельствует и нижайший рейтинг Темера: от 2 до 3 % в середине июня 2017 г., 97 % респондентов не одобряли либо полностью отвергали результаты его деятельности. Не случайно в мае 2017 г. он был поименован в качестве одного из пяти «наихудших президентов» в мире. В 2017 г. Темер оказался в центре коррупционных скандалов, которые затронули его персонально. Это был первый случай в истории Бразилии, когда уголовному преследованию подвергся президент в момент исполнения им своих обязанностей. Правительство же в целом (ряд министров которого также проходил по уголовным коррупционным делам) — слабое, не обладает авторитетом.

С внутренней политикой оказался тесно связан и внешнеполитический аспект: политическая турбулентность, катастрофические для политической системы события середины 2017 г. не могли не иметь последствий и для международной политики. Темер пришел к власти на основе полного отвержения не только внутренней, но и внешней политики своих предшественников. А одновременно основной целью его первых внешнеполитических шагов стали поиски иностранных инвестиций в контексте провозглашенной правительством широчайшей приватизации. Буквально с первых дней своего президентства Темер регулярно посещал саммиты БРИКС, неукоснительно встречался с лидерами «пятерки» в ходе саммитов G20 и генассамблей ООН. Его главными задачами были легитимизация собственного правительства на мировой арене, показ «ущербности» прежнего правления, необходимости прихода к власти новых правителей для «спасения Бразилии» и огромных перспектив для потенциальных инвесторов. Те же идеи он проводил и в ходе различных международных визитов, в том числе в Россию в июне 2017 г. Однако внутривнутриполитический «обвал» привел к тому, что Бразилия, наряду с попавшей в сходное положение ЮАР, стала рассматриваться как «слабое звено» в БРИКС.

Несмотря на превалирование на нынешнем этапе перечисленных конкретных задач, необходимо отметить, что у внешней политики Бразилии есть особенность: преемственность, ее постоянные направления, отражающие глубинные, не подверженные сиюминутной конъюнктуре интересы страны: глобальные торгово-экономические связи, роль регионального центра силы с мировой проекцией, активная деятельность в многосторонних международных организациях. В этом плане внешняя политика страны не изменилась, хотя на данном этапе (глубокий внутривнутриполитический кризис и начавшаяся подготовка к президентским выборам 2018 г.) глобальное и региональное влияние Бразилии может ослабнуть. Приглушена и активность Бразилии в ООН (особенно на традиционных для нее площадках гуманитарных операций, миротворчества), в ВТО, МВФ, G20, в полной мере это относится и к БРИКС. Хотя членство Бразилии в организации, несомненно, продолжится (это направление важно в плане диверсификации ее внешнеполитических связей, укрепления присутствия на мировой арене, в глобальной политике), страна будет соразмерять участие в НБР со своими резко сократившимися на данный момент финансовыми возможностями. Именно с этим связано и то, что на данном этапе БРИКС не числится среди главных приоритетов Бразилии. На прошедшей в ноябре 2017 г. конференции бразильского МИД по вопросам внешней политики Бразилии министр иностранных дел А. Нунис Ферейра сделал упор на необходимости усиления лидерства Бразилии в МЕРКОСУР и заявил, что ее азиатская политика должна преодолеть одностороннюю ориентацию только на Китай и диверсифицироваться в поисках других динамично развивающихся экономик.

Позиция Бразилии по актуальным международным проблемам важна и для ее «бриксовской» составляющей. Она традиционно выступает за усиление сотрудничества в ООН, в G20. У Бразилии совпадающие с Россией позиции по проблематике борьбы с международным терроризмом, трансграничной преступностью, наркотрафиком, по вопросу о недопустимости односторонних санкций, по проблемам укрепления безопасности, в том числе в области информационных технологий, по сотрудничеству в области устойчивого развития, реализации

Парижского соглашения по климату. Бразилия полностью разделяет платформу БРИКС по проблеме центральной роли ООН в мировых делах и выступает за реформу СБ. Главная линия Бразилии в международной политике — она традиционно, еще с начала XX в., придерживается доктрины о неукоснительном соблюдении норм международного права в глобальной политике, о решении всех конфликтных вопросов исключительно мирным путем, путем диалога, за столом переговоров. Этим обусловлена ее позиция по «горячим конфликтам» (Сирия, Украина, КНДР), а также другим — в Африке, в Азии, израильско-палестинскому.

А. В. Крыжановский. В феврале 2017 г. исполнилось 25 лет со времени установления дипломатических отношений между Россией и ЮАР. За прошедшие четверть века Москва и Претория наладили конструктивное взаимодействие в важнейших сферах сотрудничества: атомной энергетике, добыче нефти и газа, обрабатывающей промышленности, военных технологиях. Согласно статистическим данным МИД РФ, в 2013 г. объем двустороннего товарооборота достиг рекордной суммы в 1 млрд долл. Несмотря на определенное снижение показателей товарооборота в условиях санкционной войны России и Запада, в целом можно говорить о положительной динамике российско-южноафриканского экономического сотрудничества. Многие соглашения последних лет были подготовлены в рамках переговорного форума БРИКС. Наиболее перспективной областью взаимодействия является атомная энергетика. Однако неожиданно возникшие трудности препятствуют реализации имеющегося потенциала. Целесообразно подробнее остановиться на этой проблеме. Осенью 2014 г. Россия и ЮАР заключили межправительственное соглашение о стратегическом партнерстве в атомной энергетике. В первую очередь речь шла о строительстве на территории южноафриканской республики к 2023 г. до восьми энергоблоков АЭС. В январе 2017 г. Россия подала заявку на участие в соответствующем тендере и, по оценкам «Росатома», имела хорошие шансы выиграть конкурс, если бы в дело не вмешались некоммерческие организации ЮАР, подавшие иск против правительства ЮАР, подписавшего соглашения с Россией, США и Южной Кореей до внесения проектов данных документов в парламент и, вдобавок, предоставившего РФ налоговые преференции, что означало дискриминацию других претендентов. Заявители обратили внимание на то, что в результате осуществления ядерной программы на сумму в 76 млрд долларов, население ЮАР понесет значительные расходы через налоги и повышенные тарифы на электроэнергию и будет жить в ухудшившейся экологической обстановке. Рассмотрев иск, Высокий суд Западно-Капской провинции отклонил решение правительства ЮАР о строительстве энергоблоков АЭС, а также признал незаконными соглашения о сотрудничестве в сфере атомной энергетике, заключенные с Россией, США и Южной Кореей. В итоге сорвалась выгодная для нашей страны сделка и был нанесен ущерб репутации «Росатома»: российская компания открыто обвинялась в коррупции в ряде оппозиционных южноафриканских СМИ. Последующая встреча министров энергетики России и ЮАР (июнь 2017 г.) отбросила обе стороны на стадию деклараций о намерениях, в то время как имелась возможность реализовать конкретный проект. «Росатому» и правительству РФ следует извлечь уроки из сложившейся ситуации и разработать стратегию защиты энергетических интересов России на южноафриканском рынке.

**Материалы круглого стола подготовили
Л. С. Окунева, Е. Я. Арапова**